

Договоры России и Цинской империи как источник изучения Дальнего Востока в российской историографии (конец XIX – начало XX века)

Шао Ици

Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург
ylayiqi@gmail.com

Аннотация

В статье анализируется использование договоров России и Цинской империи второй половины XIX–начала XX в. в российской историографии Дальнего Востока, Маньчжурии и российско-китайского пограничья. Показано, что в большинстве исследований договорные акты рассматриваются прежде всего как исходная нормативно-правовая и хронологическая основа анализа политических, административных, военных и колонизационных процессов, тогда как их собственный источниковедческий потенциал остается на периферии научного внимания. На материале работ российских историков выявлены основные модели функционирования договоров в историографических нарративах, включая их роль в периодизации, легитимации административных решений и интерпретации внешнеполитического курса Российской империи. Автор делает вывод о преобладании инструментального подхода к договорным текстам и необходимости более системного источниковедческого осмысления договоров как специфического типа исторического источника.

Ключевые слова:

договоры России и Цинской империи, российско-китайские отношения, Дальний Восток, Маньчжурия, историография, источниковедческий анализ, имперская политика

Введение

Во второй половине XIX–начале XX в. Дальний Восток стал одним из ключевых направлений внешней и внутренней политики Российской империи. Расширение российского присутствия в Приамурье, Приморье и Маньчжурии сопровождалось формированием системы договорных отношений с Цинской империей, в рамках которой международно-правовые акты выполняли не только дипломатические, но и административно-практические функции. Айгунский и Пекинский договоры, а также последующие соглашения о торговле, границах, коммуникациях и статусе территорий заложили правовую основу российской деятельности на Дальнем Востоке. В частности, Айгунский договор 1858 г. закреплял распределение пограничного пространства и режим владения ключевыми

Treaties between Russia and the Qing empire as a source for the study of the Far East in Russian historiography (late XIX–early XX century)

Shao Yiqi

St. Petersburg State University,
St. Petersburg
ylayiqi@gmail.com

Abstract

The paper analyzes the use of treaties between Russia and the Qing Empire in the second half of the XIX – early XX centuries in Russian historiography of the Far East, Manchuria, and the Russian–Chinese borderlands. It is shown that, in most studies, treaty acts are considered primarily as the normative legal and chronological basis for the analysis of political, administrative, military, and colonisation processes, while their own source potential remains on the periphery of scientific attention. Based on the works of Russian historians, the main models through which treaties function within historiographical narratives, including their role in periodization, legitimation of administrative decisions, and interpretation of the foreign policy course of the Russian Empire are identified. The conclusion is made about the predominance of an instrumental approach to treaty texts and the need for a more systematic source-based understanding of treaties as a specific type of historical source.

Keywords:

treaties between Russia and the Qing Empires, Russian–Chinese relations, the Far East, Manchuria, historiography, source analysis, imperial policy

территориями, устанавливая, что «левый берег реки Амура, начиная от реки Аргуни до морского устья, да будет владением российского государства», тогда как земли к востоку от Усури «до определения по сим местам границы <...> да будут в общем владении дайцинского и российского государств» [1, с. 47]. Эти формулировки на протяжении десятилетий служили нормативным и хронологическим ориентиром для осмысления российско-китайских отношений в отечественной историографии.

Историография российско-китайского пограничья, Дальнего Востока и Маньчжурии в значительной степени опирается на договорные тексты как на исходную нормативную базу взаимодействия двух империй. При этом договоры, как правило, воспринимаются как заданная правовая

реальность, тогда как их источниковедческий потенциал и особенности использования в историографических нарративах остаются недостаточно проанализированными.

В этой связи исследовательский интерес представляет изучение способов функционирования договоров России и Цинской империи в российской историографии как исторического источника. Речь идет о том, каким образом договорные акты конца XIX – начала XX в. используются при реконструкции истории Дальнего Востока и какие аналитические функции им приписываются в различных исследовательских контекстах.

В современной российской историографии договоры преимущественно используются как нормативная и хронологическая основа анализа политических, административных и военных процессов. В результате особенности их структуры, языка и контекста заключения нередко остаются вне поля внимания, а сами договоры воспроизводятся прежде всего как фиксированная правовая рамка.

В зарубежных исследованиях последних лет обращение к истории российско-китайского пограничья связано с изучением повседневных практик и социальных механизмов формирования границы, что представлено, в частности, в монографии С. Урбански [2]. В китайской историографической традиции договоры XIX–начала XX в. продолжают рассматриваться преимущественно в контексте проблемы «неравноправных договоров» и утраты государственного суверенитета. На этом фоне специфика российской историографической традиции позволяет обратиться к вопросу о характере и функциях использования договоров России и Цинской империи при изучении истории Дальнего Востока.

Цель настоящей статьи – выявление основных направлений и особенностей использования договоров России и Цинской империи во второй половине XIX–начале XX в. в современной российской историографии Дальнего Востока. В центре внимания находятся труды российских историков, посвященные проблемам колонизации, пограничного пространства, российской политике в Китае и развитию инфраструктурных проектов. В работе используются приемы историографического и источниковедческого анализа, позволяющие рассматривать договоры не только как международно-правовые акты, но и как элемент формирования исторического знания о Дальнем Востоке Российской империи.

Договоры как нормативная основа освоения Дальнего Востока в российской историографии конца XIX – начала XX в.

История освоения Дальнего Востока Российской империи в российской историографии, как правило, реконструируется с опорой на договоры России и Цинской империи второй половины XIX–начала XX в., которые занимают в исследованиях особое, хотя и во многом имплицитное место. Договорные акты используются преимущественно не как самостоятельный объект источниковедческого анализа, а как нормативно-правовая основа административных, военных и экономических преобразований в регионе. Как отмечает Н. А. Самойлов, подписание договоров второй

половины XIX в. привело к установлению линии границы и создало предпосылки для развития приграничных и административных практик [3].

Подобное понимание нормативной функции договоров в историографии чаще всего связывается с Айгунским и Пекинским договорами, а также с протоколами демаркации начала 1860-х гг., задавшими исходные правовые рамки российского присутствия на Дальнем Востоке. Принцип обязательности и преемственности ранее достигнутых соглашений получил нормативное выражение в более поздних договорных актах. Так, в тексте Санкт-Петербургского (Илийского) договора 1881 г. подчеркивалось, что «постановления прежних договоров между Россией и Китаем, не измененные настоящим договором, остаются в полной силе» [4, с. 211–220], что закрепляло сохранение договорного режима как устойчивой правовой основы межгосударственных отношений и позволяло рассматривать его в историографии как фундамент последующих административных и территориальных преобразований.

Договорно закрепленные положения привлекаются в исследованиях прежде всего в связи с практиками освоения и управления пограничным пространством. Размещение казачьих поселений в Забайкалье осуществлялось вдоль военных коммуникаций, несмотря на ограниченную хозяйственную пригодность территорий, что отражало приоритет военно-стратегических задач. Как отмечает Р. С. Авилов, «граф Н. Н. Муравьев–Амурский рассматривал учреждаемые им казачьи поселения прежде всего как военные этапы на пути вдоль Амура, а не как хозяйственно самодостаточные единицы» [5, с. 38]. Подобные практики формировались в условиях постоянного контакта с Цинской империей и опирались на договорно закрепленный режим пограничного взаимодействия, в рамках которого, согласно Айгунскому договору 1858 г., маньчжурские жители на левом берегу Амура «оставлялись вечно на прежних местах их жительства, под ведением маньчжурского правительства» при одновременном признании российской юрисдикции над соответствующей территорией [1].

Анализируя правительственные проекты заселения и инфраструктурного развития региона, Д. Г. Янченко подчеркивает, что «создание координационного центра русской дальневосточной колонизации стало предметом забот власти ввиду изменившегося внешнеполитического положения на Дальнем Востоке» [6, с. 74]. В его работах договорные акты выступают условием институционального оформления дальневосточной политики и используются преимущественно как фоновый источник, на основе которого реконструируются механизмы взаимодействия центральных и региональных органов власти.

В исследованиях Р. С. Авилова договоры также рассматриваются прежде всего как нормативный контекст, в рамках которого анализируются вопросы размещения войск, формирования военных округов и организации обороны на Дальнем Востоке [7]. Договорно закрепленный статус территорий трактуется как предпосылка институционального оформления военного и административного присутствия России в регионе. При этом сами договорные тексты

содержали положения, допускавшие такое присутствие, включая регулирование административных и охранных функций. В частности, Пекинский договор 1860 г. устанавливал особый порядок сношений российских представителей с местными властями, что создавало правовые предпосылки для функционирования российской администрации и военных структур на сопредельных территориях [1, с. 74–84]. Вместе с тем договоры в военно-историческом нарративе функционируют преимущественно как нормативный фон и не становятся объектом специального источниковедческого анализа.

В более широких историографических концепциях, связанных с изучением имперской политики на окраинах, подобный подход к договорным источникам выглядит закономерным. Как подчеркивается в обобщающих работах по истории имперской политики, внимание исследователей сосредоточено на институциональных практиках и механизмах реализации государственной стратегии, тогда как международно-правовые акты выступают в качестве заданного контекста [8]. В результате договоры в современной российской историографии преимущественно используются как нормативная и хронологическая основа анализа политических, административных и военных процессов, что ограничивает возможности их рассмотрения как многоуровневого исторического источника, отражающего сложность пограничных и административных практик конца XIX – начала XX в.

Договоры в исследованиях российско-китайских отношений и дальневосточной политики

В историографических интерпретациях российско-китайских отношений второй половины XIX – начала XX в. договоры России и Цинской империи выступают одним из ключевых инструментов хронологического и содержательного структурирования анализа. В качестве основных ориентиров для периодизации и интерпретации двусторонних отношений используются договоры 1860-х гг. и конца XIX в., включая Айгунский и Пекинский договоры, Чугучакский протокол 1864 г., Санкт-Петербургский договор 1881 г., а также последующие соглашения, закрепившие пограничный и торговый режим между двумя империями.

В исследованиях Н. А. Самойлова, основанных на широком привлечении архивных материалов Архива внешней политики Российской империи и Российского государственного исторического архива, договоры функционируют как нормативный каркас, определяющий содержание дипломатической переписки, инструкций и отчетов, связанных с реализацией внешнеполитического курса России на Востоке. Подобный подход отражает характерное для российской историографии понимание договорных актов как основы внешнеполитической деятельности государства.

Схожая трактовка договоров прослеживается и в исследованиях российской политики в Китае после Русско-японской войны 1904–1905 гг. В работах Е. О. Старовойтовой аннулирование соглашений 1896 и 1898 гг. и заключение Портсмутского мирного договора рассматриваются как ключевые факторы пересмотра дальневосточной стра-

тегии Российской империи [9]. В этом контексте договоры используются прежде всего как ориентиры, позволяющие фиксировать изменения внешнеполитического курса и баланса сил в регионе.

Особое место в историографических интерпретациях занимают Московский договор 1896 г., соглашения, связанные со строительством Китайско-Восточной железной дороги, а также Цицикарский пограничный протокол 1911 г., которые используются для характеристики трансформации договорного режима на рубеже XIX–XX вв. При этом, договорные документы, как правило, включаются в традиционный дипломатический нарратив и выполняют функцию аргументативной опоры исторического изложения, не становясь объектом специального источниковедческого анализа.

В целом в исследованиях, посвященных российско-китайским отношениям и дальневосточной политике Российской империи, договоры России и Цинской империи функционируют как структурообразующий элемент историографического анализа. Они задают временные и политические рамки интерпретации и служат основой для периодизации внешнеполитических решений, однако редко рассматриваются как самостоятельный и многоуровневый исторический источник.

Источниковедческий потенциал договоров России и Цинской империи в российской историографии

Анализ современной российской историографии, посвященной истории Дальнего Востока и российско-китайских отношений второй половины XIX – начала XX в., позволяет говорить об устойчивой практике использования договоров России и Цинской империи как функционального, но во многом «прозрачного» исторического источника. В большинстве исследований договорные акты выступают в роли нормативного фона, задающего рамки политических, административных и военных процессов, тогда как их источниковедческая специфика остается вне сферы специального анализа. Речь идет прежде всего о договорных комплексах 1858–1860 гг., а также последующих соглашениях, активно привлекаемых в историографии конца XIX – начала XX в.

В работах, посвященных колониционной, военно-административной и дипломатической политике России на Дальнем Востоке, договоры включаются в анализ как уже заданная правовая реальность. У Д. Г. Янченко они выступают исходным условием реализации переселенческих и инфраструктурных проектов; в военно-исторических исследованиях Р. С. Авилова – основанием для развертывания оборонительной и военной инфраструктуры; в военно-политических очерках конца имперского периода – рамкой стратегических рассуждений о безопасности восточных окраин. В исследованиях по истории российско-китайских отношений (Н. А. Самойлов) договоры используются прежде всего как средство систематизации дипломатического и архивного материала.

При различии исследовательских задач договорные акты в этих работах функционируют сходным образом: они задают нормативный и хронологический контекст

анализа, но редко становятся объектом самостоятельного источниковедческого осмысления, связанного с изучением структуры, языка и условий формирования договорных текстов. Особенно наглядно это проявляется в практике использования договоров как ключевых маркеров исторической периодизации, что облегчает реконструкцию внешнеполитических процессов, но одновременно снижает аналитическое внимание к самим текстам соглашений.

Между тем, одной из характерных особенностей договоров второй половины XIX в. является внутренняя неопределенность и компромиссный характер формулировок. Так, в Айгунском договоре 1858 г. положение о территориях к востоку от Уссури, «впредь до определения по сим местам границы» находившихся в общем владении двух государств, фиксировало не окончательное решение, а ситуацию временного политико-правового баланса. Однако в историографических реконструкциях подобные положения, как правило, интерпретируются ретроспективно – как этап, ведущий к однозначному закреплению территории за Россией. В результате договорный текст утрачивает проблемный характер источника и начинает восприниматься как «прозрачная» нормативная предпосылка последующих административных решений.

Сходный подход прослеживается и в историографических обзорах российской политики в Китае после Русско-японской войны, где договоры используются главным образом как индикаторы изменения внешнеполитического курса и баланса сил, оставаясь в рамках традиционного дипломатического нарратива. В целом для современной российской историографии характерно преимущественно инструментальное обращение к договорам России и Цинской империи, ориентированное на реконструкцию механизмов государственной политики и административного управления, а не на анализ текстуальной и контекстуальной природы самих соглашений.

Вместе с тем отдельные исследования, посвященные административной практике на юге Дальнего Востока, демонстрируют потенциал более детального источниковедческого обращения к договорному материалу. Показательно, что договорное закрепление территорий в 1858–1860 гг. поставило перед российской администрацией проблему управления китайским населением, придав договорным нормам конкретное практическое значение. Подобные наблюдения указывают на перспективность дальнейших исследований, ориентированных на сопоставление различных языковых версий договоров и анализ контекста их применения.

В этом ракурсе договоры России и Цинской империи могут рассматриваться не только как элемент историографического нарратива, но и как самостоятельный исторический источник, обладающий собственной логикой формирования и функционирования.

Заключение

Проведенный анализ показывает, что договоры России и Цинской империи второй половины XIX – начала XX в., прежде всего Айгунский и Пекинский договоры, а также последующие пограничные соглашения занимают устойчи-

вое место в современной российской историографии истории Дальнего Востока и российско-китайских отношений. В большинстве исследований они используются как нормативная и хронологическая основа анализа колониальной, административной и военной политики Российской империи.

Вместе с тем характер обращения к договорным текстам остается преимущественно утилитарным. Договоры обеспечивают логическую связность исторического повествования, но редко рассматриваются как самостоятельный исторический источник, отражающий сложность политических компромиссов и неопределенность пограничной ситуации своего времени. Между тем источниковедческий анализ договорных текстов позволяет выявить особенности их языка, структуры и контекста заключения, что открывает дополнительные возможности для изучения российско-китайских отношений и истории Дальнего Востока в целом.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники и литература

1. Айгунский договор между Россией и Китаем о границах и взаимной торговле // Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917 / под ред. Е. А. Адамова; сост. И. В. Козьменко. – М.: Госполитиздат, 1952. – С. 47–48.
2. Урбански, С. За степным фронтиром: история российско-китайской границы / С. Урбански; авториз. пер. с англ. М. Закировой. – М.: Новое литературное обозрение, 2023. – 480 с.
3. Самойлов, Н. А. Ключевые моменты истории российско-китайских отношений 1861–1901 годов: периодизация, архивные материалы и перспективы изучения / Н. А. Самойлов // Известия ДГПУ. – 2017. – Т. 11, № 1. – С. 24–29. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klyuchevye-momenty-istorii-rossijsko-kitayskih-otnosheniy-1861-1901-godov-periodizatsiya-arhivnye-materialy-i-perspektivy-izucheniya> (дата обращения: 26.01.2026).
4. Договор между Россией и Китаем об Илийском крае // Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917 / под ред. Е. А. Адамова; сост. И. В. Козьменко. – М.: Госполитиздат, 1952. – С. 211–220.
5. Авилов, Р. С. Дальневосточное казачество в конце XIX в. В воспоминаниях барона А. П. Будберга / Р. С. Авилов // Ойкумена. Регионоведческие исследования. – 2015. – Т. 33, № 2. – С. 28–41. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dalnevostochnoe-kazachestvo-v-kontse-xix-v-vospominaniyah-barona-a-p-budberga> (дата обращения: 07.01.2026).
6. Янченко, Д. Г. Амурская экспедиция и комитет по заселению дальнего востока в планах совета министров России при П. А. Столыпине / Д. Г. Янченко // НИР. – 2023. – Т. 13, № 1. – С. 56–75. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/amurskaya-ekspeditsiya-i-komitet-po-zaseleniyu-dalnego-vostoka-v-planah-soveta>

ministrov-rossii-pri-p-a-stolypine (дата обращения: 26.01.2026).

7. Авиллов, Р. С. Приамурский военный округ: военно-административные преобразования накануне Первой мировой войны (1906–1914 гг.) / Р. С. Авиллов // *Россия и АТР*. – 2018. – Т. 99, № 1. – С. 173–186. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/priamurskiy-voennyy-okrug-voenno-administrativnye-preobrazovaniya-nakanune-pervoy-mirovoy-voyny-1906-1914-gg> (дата обращения: 26.01.2026).
8. Зубков, К. И. Имперская власть и политика преобразования окраин: Рецензия на книгу: Ходяков, М. В. (ред.), (2021). *Центр и регионы: Экономическая политика правительства на окраинах российской империи (1894–1917)*. Издательство Санкт-Петербургского университета / К. И. Зубков, И. В. Побережников, Г. Н. Шумкин // *Журнал фронтальных исследований*. – 2022. – Т. 7, № 2. – С. 165–175. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/imperskaya-vlast-i-politika-preobrazovaniya-okrain-retsenziya-na-knigu-hodyakov-m-v-red-2021-tsentr-i-regiony-ekonomicheskaya> (дата обращения: 26.01.2026).
9. Старовойтова, Е. О. Российская политика в Китае после русско-японской войны 1904–1905 годов: дискуссии в современной историографии / Е. О. Старовойтова // *Вестник СПбГУ. Востоковедение. Африканистика*. – 2013. – Т. 13, № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskaya-politika-v-kitae-posle-russko-yaponskoy-voyny-1904-1905-godov-diskussii-v-sovremennoy-istoriografii> (дата обращения: 07.01.2026).

References

1. Aigunskii dogovor mezhdru Rossiei i Kitaem o granistah i vzaimnoi trgovle [The Aigun Treaty between Russia and China on borders and mutual trade] // *Collection of treaties of Russia with other states. 1856–1917* / Ed. E. A. Adamova ; Comp. I. V. Kozmenko. – Moscow: Gospolitizdat Publ., 1952. – P. 47–48.
2. Urbansky, S. Za stepnym frontim: istoriya rossiisko-kitaiskoi granitsy [Beyond the steppe frontier: the history of the Russian-Chinese border] / S. Urbansky. – Moscow: New Literary Review, 2023. – 480 p.
3. Samoilov, N. A. Klyuchevye momenty istorii rossiisko-kitaiskikh otnoshenii 1861–1901 godov: periodizatsiya, arhivnye materialy i perspektivy izucheniya [Key moments in the history of Russian-Chinese relations in 1861–1901: periodization, archival materials and prospects for the study] / N. A. Samoilov // *Izvestiya DGPU*. – 2017. – Vol. 11. – No. 1. – P. 24–29. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klyuchevye-momenty-istorii-rossiisko-kitayskikh-otnosheniy-1861-1901-godov-periodizatsiya-arhivnye-materialy-i-perspektivy-izucheniya> (accessed: 26.01.2026).
4. Dogovor mezhdru Rossiei i Kitaem ob Iliiskom krae [The Treaty between Russia and China on the Ili region] // *Col-*

lection of treaties of Russia with other states. 1856–1917 / Ed. E. A. Adamov ; Comp. I. V. Kozmenko. – Moscow: Gospolitizdat, 1952. – P. 211–220.

5. Avilov, R. S. Dalnevostochnoe kazachestvo v konce XIX v. v vospominaniyah barona A. P. Budberga [The Far Eastern Cossacks at the end of the XIX century in the memoirs of Baron A. P. Budberg] / R. S. Avilov // *Oikumena. Regional studies*. – 2015. – Vol. 33. – No. 2. – P. 28–41. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dalnevostochnoe-kazachestvo-v-kontse-xix-v-v-vozpominaniyah-barona-a-p-budberga> (accessed: 07.01.2026).
6. Yanchenko, D. G. Amurskaya ekspeditsiya i komitet po zaseleniyu dalnego vostoka v planah soveta ministrov Rossii pri P. A. Stolypine [The Amur expedition and the Committee for the Settlement of the Far East in the plans of the Council of Ministers of Russia under P. A. Stolypin] / D. G. Yanchenko // *Research*. – 2023. – Vol. 13. – No. 1. – P. 56–75. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/amurskaya-ekspeditsiya-i-komitet-po-zaseleniyu-dalnego-vostoka-v-planah-soveta-ministrov-rossii-pri-p-a-stolypine> (accessed: 26.01.2026).
7. Avilov, R. S. Priamurskii voennii okrug: voenno-administrativnye preobrazovaniya nakanune Pervoi mirovoi voiny (1906–1914 gg.) [Amur Military District: military and administrative transformations on the eve of the First World War (1906–1914)] / R. S. Avilov // *Russia and the Asia-Pacific Region*. – 2018. Vol. 99. – No. 1. – P. 173–186. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/priamurskiy-voennyy-okrug-voenno-administrativnye-preobrazovaniya-nakanune-pervoy-mirovoy-voyny-1906-1914-gg> (accessed: 26.01.2026).
8. Zubkov, K. I. Imperskaya vlast' i politika preobrazovaniya okrain: Recenziya na knigu: Khodyakov, M. V. (red.), (2021). *Centr i regiony: Ekonomicheskaya politika pravitelstva na okrainah rossiiskoi imperii (1894–1917)* [Imperial power and the policy of transformation of the suburbs: Book review: Khodyakov, M. V. (ed.), (2021). *Center and Regions: The Economic Policy of the Government on the Outskirts of the Russian Empire (1894–1917)*. – St. Petersburg University Publ. / K. I. Zubkov, I. V. Poberezhnikov, G. N. Shumkin // *J. of Frontier Studies*. – 2022. – Vol. 7. No. 2. – P. 165–175. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/imperskaya-vlast-i-politika-preobrazovaniya-okrain-retsenziya-na-knigu-hodyakov-m-v-red-2021-tsentr-i-regiony-ekonomicheskaya> (accessed: 26.01.2026).
9. Starovoitova, E. O. Rossiiskaya politika v Kitae posle russko-yaponskoi voiny 1904–1905 godov: diskussii v sovremennoi istoriografii [Russian policy in China after the Russian-Japanese War of 1904–1905: discussions in modern historiography] / E. O. Starovoitova // *Bull. of St. Petersburg State University. Oriental studies. African studies*. – 2013. – Vol. 13. – No. 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskaya-politika-v-kitae-posle-russko-yaponskoy-voyny-1904-1905-godov-diskus-sii-v-sovremennoy-istoriografii> (accessed: 07.01.2026).

Благодарность:

Статья подготовлена в соответствии с заданием «Исторические регионы Российской империи, Советского Союза и пост-советской Евразии», выполняемым кафедрой истории России Белорусского государственного университета в рамках Государственной программы научных исследований Республики Беларусь на 2026–2030 гг. «Социально-экономическая, политическая и национально-культурная безопасность белорусской государственности».

Acknowledgements (state task):

The paper was prepared in accordance with the task «Historical regions of the Russian Empire, the Soviet Union and post-Soviet Eurasia» carried out by the Department of Russian History of Belarusian State University within the frames of the State Program of Scientific Research of the Republic of Belarus for 2026–2030 «Socio-economic, political and national-cultural security of the Belarusian statehood».

Информация об авторе:

Шао Ици – аспирант исторических наук, кафедра источниковедения исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета; ORCID: 0009-0009-7816-4463, SPIN-код: 2361-3299 (199034, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Менделеевская линия, д. 5; e-mail: ylayiqi@gmail.com).

Author:

Shao Yiqi – graduate student in History, Department of Source Studies, Faculty of History, St. Petersburg State University; ORCID: 0009-0009-7816-4463, SPIN-code: 2361-3299 (5, Mendeleevskaya Line, St. Petersburg 199034, Russian Federation; e-mail: ylayiqi@gmail.com).

Для цитирования:

Шао, Ици. Договоры России и Цинской империи как источник изучения Дальнего Востока в российской историографии (конец XIX – начало XX века) / Ици Шао // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2026. – № 2 (87). – С. 8-13.

For citation:

Shao, Yi. Treaties between Russia and the Qing empire as a source for the study of the Far East in Russian historiography (late XIX–early XX century) / Yiqi Shao // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series “History and Philology”. – 2026. – No. 2 (87). – P. 8-13.

Дата поступления статьи: 05.02.2026

Прошла рецензирование: 14.02.2026

Принято решение о публикации: 20.02.2026

Received: 05.02.2026

Reviewed: 14.02.2026

Accepted: 20.02.2026